

Назад к лингвистическому повороту? Перспективы развития аналитической философии глазами П.М.С. Хакера и Т. Уильямсона

Григорий А. Золотков

*Институт философии РАН, Москва, Россия,
zolotkov_grigory@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются две противоположные точки зрения на перспективы развития аналитической философии. Согласно первой, консервативной, лучшей перспектива – это сохранение методологических установок лингвистического поворота. Занимающий эту точку зрения П.М.С. Хакер убежден, что аналитикам следует полностью отказаться от установления метафизических истин и ограничиться исследованием вербального уровня мышления. Согласно второй, более прогрессивной, методологические установки лингвистического поворота следует отбросить, а радикальный запрет на метафизику – переосмыслить. За подобную ревизию выступает Т. Уильямсон. На взгляд автора статьи, обе точки зрения упрощенно трактуют историю аналитической философии, игнорируя неизбежность конфликта двух исконных «сверхзадач» аналитической традиции: с одной стороны, искоренения спекулятивно-метафизического философствования, с другой – постановки его на научные рельсы. Рассмотрение аналитической философии в контексте истинности только одной из этих линий мешает корректной оценке ее перспектив.

Ключевые слова: лингвистический поворот, аналитическая философия, П.М.С. Хакер, Т. Уильямсон, методология, метафилософия, метафизика

Для цитирования: Золотков Г.А. Назад к лингвистическому повороту? Перспективы развития аналитической философии глазами П.М.С. Хакера и Т. Уильямсона // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2021. № 3. С. 47–59. DOI: 10.28995/2073-6401-2021-3-47-59

Back to the linguistic turn?
P.M.S. Hacker and T. Williamson on the future
of analytic philosophy

Grigorii A. Zolotkov

*Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy, Moscow,
zolotkov_grigory@mail.ru*

Abstract. The article is concerned with two opposite views on the future of analytic philosophy, as presented by P.M.S. Hacker and T. Williamson. According to the first, conservative, the best prospect is the preservation of methodological attitudes of the linguistic turn. Sharing such point of view P.M.S. Hacker is convinced that analytic philosophers should completely abandon the establishing metaphysical truths and limit themselves to research of the verbal level of thinking. According to the second, more progressive, methodological attitudes of the linguistic turn should be discarded, and the radical ban on metaphysics should be rethought. T. Williamson is favoring that kind of revision. In the opinion of the author of the article, both points of view interpret the history of analytic philosophy in a simplified manner, ignoring the inevitability of the conflict between the two primordial “super tasks” of that tradition: on the one hand, the eradication of speculative-metaphysical philosophizing, on the other, putting it on a scientific track. Consideration of analytical philosophy in the context of the truth of only one of those lines obstructs a correct assessment of its prospects.

Keywords: linguistic turn, analytic philosophy, P.M.S. Hacker, T. Williamson, methodology, metaphilosophy, metaphysics

For citation: Zolotkov, G.A. (2021), “Back to the linguistic turn? P.M.S. Hacker and T. Williamson on the future of analytic philosophy”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 3, pp. 47–59, DOI: 10.28995/2073-6401-2021-3-47-59

Введение

Проблема методологии является одной из центральных проблем аналитической философии. Само возникновение этой традиции обусловлено принципиальным отказом ряда исследователей от спекулятивно-метафизического способа философствования и осознанием необходимости выработки нового. На первых стадиях развития традиции искомый метод ассоциировался с процедурой анализа, а динамичное развитие философии языка и философской логики способствовало появлению целого ряда подобных техник [Грязнов 2006, с. 19–21]. Тенденция к поиску ответов на философ-

ские проблемы не в метафизических спекуляциях о мире и сознании, а в анализе вербальных способов выражения мысли получила название «лингвистический поворот». Позже, однако, лингвистический поворот потерял статус методологического «мейнстрима». Среди аналитиков распространился интерес к философствованию непосредственно о мире и сознании, а не только о возможностях вербализации знания о них. На первый взгляд, очевидное противоречие этой тенденции изначально установам аналитической философии говорит о разложении этого движения. Такого мнения придерживается известный историк аналитической философии и витгенштейновед Питер Хакер (р. 1939). Он полагает, что популярная сегодня «аналитическая» метафизика отличается от «традиционной» не по существу, но лишь наукообразной терминологией. Аналитическая философия же находится на терминальной стадии развития. Оппоненты подобного «эсхатологизма» иначе оценивают преодоление аналитической метафизикой лингвистического поворота. Так, известный логик и метафилософ Тимоти Уильямсон (р. 1955) полагает, что ни исторически, ни теоретически аналитическая философия не привязана исключительно к анализу. На его взгляд, лингвистический поворот был одной из тех «продуктивных ошибок», исправление которых способствовало выработке более сложных и точных форм философствования, представленных, например, в модальной метафизике.

Дискуссия между сторонниками этих крайних точек зрения – ультраконсервативной Хакера и ультрареформистской Уильямсона – позволяет показать, что оценка перспектив аналитической философии в рамках альтернативы «либо назад, либо вперед» упрощает внутреннюю диалектику традиции. В свою очередь, это препятствует адекватному сопоставлению двух методологических программ и осмыслению ряда связанных с этим проблем, например: может ли философия продуцировать новое знание, действительно ли имеются сущностные отличия между «традиционной» и «аналитической» метафизиками, превосходит ли модальная метафизика философию концептуального анализа как метод исследования и т. д.

Реформам – нет

Разложение ранних форм аналитической философии было отмечено многими исследователями, но мало кто из них описывает его с таким драматизмом как П.М.С. Хакер. Охватывая взглядом историю традиции, он пишет:

Поток, берущий начало в Кембридже конца 1890-х гг., набравший там силу между войнами, разлившийся в широкую реку за счет Венского кружка 1930-х гг. и Оксфорда после войны (Второй мировой войны. – Г. З.), в итоге достиг обширной равнины, где распался на множество притоков и речек, часть из которых исчезла в болотах [Hacker 1996, p. 266].

И далее:

К середине 1980-х гг. англоязычная философия потеряла какие-либо отличительные черты. Хотя аналитические методы все еще используются в некоторых кругах, значительная часть работы, проделанной в последнее десятилетие, может быть названа «аналитической философией» только с отсылкой к ее истокам [Hacker 1996, p. 267].

«Подлинную» аналитическую философию в пространстве Хакер ограничивает Кембриджем, Веной и Оксфордом, а во времени – периодом с 1910-х по 1970-е гг. Большинство аналитиков США, трудная проблема сознания и теория прямой референции, по Хакеру, чужды ей. В основе этого ригоризма – убеждение в истинности принципов, открытых «ранним» Витгенштейном и развитых Венским кружком: а) философия имеет всего две задачи (артикуляцию концептуальной схемы и «терапию» философских заблуждений); б) правильный метод философии – это исследование употреблений слов, устраняющее языковую путаницу; в) философия вносит вклад не в умножение знания, но в его понимание [Hacker 2007, p. 133].

На взгляд Хакера, «злой гений», направивший аналитическую традицию по ложному пути, это У.В.О. Куайн [Hacker 1998, p. 9]. Критика Куайном различия аналитических и синтетических истин, присущие его мысли натурализм, сциентизм и бихевиоризм подтолкнули аналитиков возвратиться к занятиям метафизикой и отказаться от установок лингвистического поворота. Это смазало понимание философии как по-настоящему автономной дисциплины и направило ее на мимикрию под одну из наук [Hacker 1998, p. 27–28]. Хотя напрямую Хакер не оспаривает концепцию философии американского аналитика, зачатки такой критики можно увидеть в следующем его утверждении:

То, что с точки зрения Витгенштейна являлось болезнями интеллекта (*diseases of the intellect*), многим из которых сам он, будучи молодым человеком, был подвержен, и которые ему долго и с трудом пришлось искоренять, сегодня в мутировавших, острых формах рас-

пространились вновь. С точки зрения его терапевтической концепции философии, этого, вероятно, следовало ожидать, учитывая культурное и интеллектуальное давление эпохи. С изобретением вакцины медицина не теряет свою актуальность, если известно, что вирус, вызывающий болезнь, может мутировать. <...> Новые теории и открытия в науке... <...> ...Воздействуют на наш интеллектуальный каркас (intellectual framework)... <...> ...Вводя новые концепты, осуществить артикуляцию которых с помощью старых концептов и концептуальных структур вовсе не просто [Hacker 1996, p. 272].

По Хакеру, поворот обратно к лингвистическому повороту неизбежен. В Британии или в другой стране, рано или поздно, но философия вернется к этим идеям, так как именно эта модель философствования стала «наивысшим проявлением абсолютного Духа». Напротив, оценивая исторические перспективы попыток Куайна возродить метафизику, Хакер пафосно замечает, что: «В реке времени невозможно плыть против течения» [Hacker 1998, p. 25]. Любопытно, что при этом сам он призывает «назад, к лингвистическому повороту!» [Hacker 2007, p. 139], списывая идеи Куайна и его последователей на эпидемию «болезней интеллекта». Подобная избирательность в понимании необратимости исторических процессов вызывает сомнения в непредвзятости историко-философских оценок Хакера, несмотря на его безусловный авторитет как историка философии и витгенштейноведа.

Философский эксцелционализм

Т. Уильямсон, профессор логики Оксфордского университета, известен не только как логик, но и как один из ведущих представителей аналитической метафилософии. Задача последней сводится Уильямсоном к необходимости тщательной ревизии методологии аналитической традиции:

Многие укоренившиеся заблуждения продолжают жить в философии благодаря нежеланию отдельных мыслителей внимательно и недогматично взглянуть на примеры [конкретных философских проблем]; нежеланию, порою подкрепляемому самодовольными представлениями о себе и своих друзьях как о единственных, кто способен внимательно и недогматично рассматривать примеры (на ум приходят некоторые последователи «позднего» Витгенштейна) [Williamson 2007, p. 8].

Аналитическую философию Уильямсон понимает как «традицию» в прямом смысле слова, т. е. ее идентичность

...состоит в каузальных связях влияния, а не в каких-либо сходствах. <...> Попытка определить аналитическую философию через лингвистический поворот, уважение к науке или логическую строгость представляется мне пустой тратой времени [Уильямсон, Ламберов 2010, с. 137–138].

На его взгляд, лингвистический поворот способствовал распространению среди аналитиков ошибочного представления о принципиальном отличии философии от других дисциплин – «философского эксцепционализма» (*philosophical exceptionism*). Содержание этого представления можно разделить на две «догмы». Согласно первой, предметом исследования философии может быть только логико-лингвистическая проблематика. На взгляд Уильямсона, это не так. Грубо говоря, бóльшая аподиктичность логических законов, по сравнению с законами нравственными, не делает последние менее интересными в философском отношении. Согласно второй «догме», философское исследование сводится исключительно к процедуре анализа. Уильямсон категорически не согласен с этим. Он полагает, что ни синтез, ни анализ не имеют дисциплинарной принадлежности:

В основном методология философии <...> строится на необычайно систематичном и рефлексивном применении способов мышления, задействованных также во многих нефилософских исследованиях. Сравнительно надежным использование этих способов мышления в философии делает их принадлежность к более общим когнитивным паттернам [Williamson 2007, p. 3].

Собственный, или «приватный», метод философии, как и «приватный язык», не был бы по-настоящему надежен, если бы не его одинаково успешное применение разными исследователями в различных областях.

Негативным следствием эксцепционализма является идея некой «первой» философии, подводящей методологический фундамент под все остальные разделы дисциплины. По Уильямсону, ни один раздел философии в принципе не может претендовать на это:

Философия не более чем другие дисциплины защищена от растущей специализации. Ни один философский метод не считается более панацеей от всех философских болезней, с вытекающими отсюда привилегиями для его раздела исследований [Williamson 2007, p. 14].

Ни философия языка, ни философия сознания в действительности не предложили, как это до сих пор может некоторым казаться, «правильную» методологию.

К сожалению, в рамках статьи невозможно рассмотреть все нюансы разнообразной и технически сложной критики эксцепционализма Уильямсоном. В основном она сосредоточена на двух моментах: во-первых, неверно, что любая философская истина является языковой или концептуальной [Williamson 2007, p. 23–47]; во-вторых, неверно, что любая философская проблема является проблемой о языке или концептах [Williamson 2007, p. 48–133]. Критике эксцепционализма, проводимой британским исследователем, нельзя отказать в скрупулезности. В то же время ее нельзя назвать фундаментальной. В частности, оппоненты Уильямсона обращают внимание на отсутствие у него примеров тех «нелингвистических» истин, которые философия могла бы открыть [Hacker 2009; Marconi 2011]. Гораздо более интересным направлением его мысли представляется антиэксцепционалистская трактовка истории традиции и ее перспектив.

Лингвистический и концептуальный повороты

По Уильямсону, лингвистический поворот произошел не в 1920–1930-е гг., а гораздо раньше. Следуя за М. Даммитом, он предлагает отсчитывать начало этого поворота и самой аналитической традиции от философии Г. Фреге:

Только при Фреге философия наконец получила подходящий объект исследования, а именно: во-первых, задача философии это анализ структуры *мысли*; во-вторых, исследование *мысли* следует отличать от исследования *мышления* как психологического процесса; в-третьих, единственным правильным методом анализа мысли является анализ *языка*. <...> ...принятие трех этих принципов является общим для всей аналитической традиции [Dummett 1978, p. 458].

Согласно Даммиту, то, что проблематика философии языка становится центральным предметом исследования для аналитиков, свидетельствует о смене вех, разрыве с философией Нового времени, для которой этим предметом была эпистемология. Хотя сами по себе «мысль» и «мышление» являются предметами именно эпистемологии, с работ Фреге «мысль» начинает рассматриваться не в психологическом ракурсе, а с точки зрения той ее формальной структуры, которая отражена в языке:

Осознав, что единственный доступ, который мы имеем к мыслям, обеспечивает их вербальное выражение, Фреге, считает Даммит, переформулировал вопрос о схватывании мыслей как вопрос о том, как мы понимаем выражающие их предложения, а на этот последний вопрос у него есть вполне четкий ответ: понимать предложение значит знать условия, при которых оно является истинным [Макеева 2011, с. 23].

Уильямсон согласен, что аналитическая философия началась с концепции анализа мысли путем анализа языка. При этом он не считает, что предложенные Даммитом принципы схватывают аналитическую философию как таковую. Наименее очевидным из этих принципов, по Уильямсону, является исключительно «лингвистический» метод исследования мысли. Многие исследователи, рассматривая структуру мысли, обращались не к самим предложениям, но к стоящим за ними концептам, понимая под последними «то, что синонимичные высказывания имеют общего друг с другом» [Williamson 2007, p. 13]. Подобное обращение не просто к языку, но к его абстрактной, концептуальной стороне, на взгляд Уильямсона, обусловило второй этап развития традиции – «концептуальный поворот». Минимальным условием отхода от «лингвистического» и начала «концептуального» поворота, по Уильямсону, стал отказ от метода анализа языка как единственного корректного способа исследования структуры мысли. Мотивирован он был тем убеждением, что анализ мысли должен вестись не опосредованно через анализ вербальных выражений, но быть напрямую направлен на структурные элементы мысли (*constituents of thought*), «концепты» (как их называет Уильямсон). Следовательно, философ должен заниматься анализом концептов, а не предложений. Концептуальный поворот стал «гораздо более обширным течением, чем лингвистический» [Williamson 2007, p. 14], тем не менее в «Философии философии» не уточняется, о каких исследователях идет речь. Этот недочет исправляет более поздний текст [Williamson 2014], в котором среди представителей концептуального поворота указываются Н. Хомский, П. Стросон и Дж. Сёрл. Действительно, последний в своих ранних работах утверждает, что под структуру «речевых актов» Дж. Остина следует подвести структуру ментальных состояний. Логике его аргументации можно воспроизвести следующим образом:

Всякий речевой акт – это осмысленный звуковой ряд, а осмысленность ему придает именно наложение на него ментальных состояний говорящего. Набор возможных ментальных состояний, которые можно упаковать в звуки или письмо, предопределяет, стало быть, реестр речевых актов [Васильев 2009, с. 61].

То есть концептуальный поворот смещает внимание аналитиков от языка к мышлению: не структура языка используется, чтобы прояснить мышление, но наоборот, структурные элементы мышления используются, чтобы прояснить язык.

Несмотря на существенный отход от фрегианской модели исследования, концептуальный поворот, по Уильямсону, также подвержен эксцепционализму: «концептуальные философы», как и лингвистические, ставят в центр философии «особый» предмет исследования – структуру мысли. На взгляд Уильямсона, осознание аналитиками ошибочности сведения предметной базы философского исследования к механике когнитивных процессов дало жизнь новому методологическому повороту в истории традиции.

Реформам – да

Лингвистический и концептуальный повороты Уильямсоном противопоставляются современному состоянию развития аналитической философии с ее подчеркнутым антиэксцепционализмом и активным развитием метафизики. Этот этап, назовем его «метафизический поворот», Уильямсон считает «золотым веком» традиции, когда задачи и проблемы дисциплины были наконец правильно сформулированы, оставив метафилософам проработку отдельных нюансов. Ориентация же на более ранние этапы аналитической философии ставит ее будущее под угрозу. Так, историки традиции вроде Хакера говорят буквально об «изгнании» метафизики первыми поколениями аналитиков. Это создает впечатление, что метафизика чужда самому духу традиции, что развитие новыми поколениями аналитиков «научной» метафизики есть не что иное как «предательская» капитуляция и попрание идеалов. И хотя сторонники «научной» метафизики подчеркивают ее «аналитическое» происхождение, сам факт этого возвращения представляется многим исследователям скандальным:

В привычные изложения истории философии XX в. не вписываются наиболее яркие, точные и изобретательные достижения последней трети этого столетия: возрождение метафизического теоретизирования... связанное с именами С. Крипке, Д. Льюиса, К. Файна, П. ван Инвагена, Д. Армстронга и многих других... С точки зрения традиционных метанарративных схем в истории философии (*grand narrative schemes*), деятельность этих философов должна выглядеть как возврат к докантовской метафизике: этого не должно было произойти, но произошло. Многие из тех, кто придерживается этого взгляда, охотно усматривают

здесь преємственность *традиционной* (курсив мой. – Г. З.) метафизике; [тем не менее их] отсылки к авторитетам Канта или Витгенштейна – пустой звук, так как они не подкреплены какими-либо аргументами, отражающими реальное положение дел [Williamson 2007, p. 19].

Напротив, если не рассматривать «лингвистическую» критику метафизики как сущностную черту аналитической традиции, то представление о лингвистическом повороте как «золотом веке» аналитической философии теряет свою убедительность. На взгляд Уильямсона, перед аналитиками стоит задача найти «новую нарративную схему для истории философии с 1960 года; однако какой она должна быть, ясно лишь в самых общих чертах» [Williamson 2007, p. 22]. Как представляется, собственная «нарративная схема» Уильямсона достаточно успешно позволяет избежать излишнего пессимизма во взгляде на перспективы традиции. Акцент не на отказе от метафизики, но на эксцентрицистском уклоне первых аналитиков позволяет ему показать, что постпозитивисты не просто «вернулись» к метафизике – они переосмыслили предшествовавшие модели философского исследования. Движение от лингвистического к метафизическому повороту – это не движение от рождения к смерти, но процесс постепенного обновления традиции за счет критической работы наиболее смелых и проницательных философов-аналитиков. Продолжая мысль Уильямсона, ни Фреге, ни тем более Витгенштейн не предложили некий «аутентичный вариант» аналитической философии. Оба внесли свою лепту в развитие философского эксцентрицизма, последующее переосмысление которого сильно продвинуло традицию.

Уильямсон безусловно прав, указывая на ангажированность апологетов лингвистического поворота. Тем не менее его позиция не может быть названа менее предвзятой, чем позиция Хакера. Строя историко-философскую реконструкцию аналитической философии, он в первую очередь нападает на эксцентрицизм. Основной задачей предлагаемой им «нарративной схемы» оказывается подтверждение того тезиса, что *ошибочные* взгляды лингвистического поворота сменились *более совершенной* методологией модальной метафизики.

Заключение

Рассмотренная в статье полемика не есть нечто новое и укладывается в рамки одного из наиболее давних сюжетов аналитической философии. Заметную роль в становлении традиции сыграло

распространившееся на стыке XIX–XX вв. представление о естественных науках как об эталонной форме исследования. На фоне строгих и точных результатов естественных наук традиционные философские изыскания стали выглядеть как малосодержательные отвлеченные рассуждения, имеющие неоднозначную эпистемическую ценность. Аналитическая традиция прибегла к двум способам справиться с этим вызовом: а) путем наложения ограничений на практики отвлеченного теоретизирования и дискредитации философских «псевдопроблем» и б) путем сциентизации философствования. Направленные в противоположные стороны, эти стратегии обусловили внутренний конфликт традиции. Тем не менее конфликт не только не стал «миной замедленного действия», но способствовал продуктивному развитию аналитической мысли. Противоположные взгляды уравнивают друг друга, позволяя традиции постоянно совершенствоваться и не принимать карикатурных форм. Как справедливо отмечает Уильямсон, аналитическая метафизика конца XX в. возникла не вопреки лингвистической философии, но во многом как критика ее слабых сторон. Он, однако, не учитывает, что сегодня уже постаналитическая философия стала объектом критики нового поколения аналитиков, обратившихся к лингвистической методологии (см. [Vaz 2018; Carpenter 2018; Richard 2019]).

Следует ли аналитикам вернуться назад к лингвистическому повороту? Как кажется, ни один из рассмотренных ответов на этот вопрос нельзя признать удовлетворительным. «Нарративным схемам», предлагаемым в статье, свойствен общий недостаток: зачастую в пылу полемики методологически нейтральное рассмотрение традиции авторы подменяют историко-философской апологией своей методологической концепции. В результате рассмотрение центрального для традиции вопроса об эвристическом потенциале философии приобретает тенденциозный характер. С этой точки зрения контуры «нарративной схемы», способной непредвзято отразить сложную диалектику аналитической традиции, правильнее будет искать в работах менее ангажированных авторов.

Литература

- Васильев 2009 – *Васильев В.В.* Трудная проблема сознания. М., 2009. 272 с.
Грязнов 2006 – *Грязнов А.Ф.* Аналитическая философия. М.: Высшая школа, 2006. 374 с.
Макеева 2011 – *Макеева Л.Б.* Язык, онтология и реализм. М.: НИУ ВШЭ, 2011. 310 с.

- Уильямсон, Ламберов 2010 – *Уильямсон Т., Ламберов Л.Д.* Прошлое, настоящее, надежда (интервью с Тимом Уильямсоном) // *Analytica*. 2010. № 4. С. 137–138.
- Baz 2018 – *Baz A.* *The Crisis of Method in Contemporary Analytic Philosophy*. Oxford University Press, 2018. 224 p.
- Cappelen 2018 – *Cappelen H.* *Fixing Language: An Essay on Conceptual Engineering*, Oxford University Press, 2018. 212 p.
- Dummett 1978 – *Dummett M.* *Truth and Other Enigmas*. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1978. 528 p.
- Hacker 1996 – *Hacker P.M.S.* *Wittgenstein's Place in Twentieth-Century Analytic Philosophy*. Oxford: Blackwell, 1996. 368 p.
- Hacker 1998 – *Hacker P.M.S.* *Analytic philosophy: what, whence, and whither?* // *Story of Analytic Philosophy: Plot and Heroes* / Ed. by A. Biletzki, A. Matar. L.: Routledge, 1998. P. 3–34.
- Hacker 2007 – *Hacker P.M.S.* *Analytic Philosophy: Beyond the linguistic turn and back again* // *The Analytic Turn: Analysis in Early Analytic Philosophy and Phenomenology* / Ed. by M. Beaney. London: Routledge, 2007. P. 125–141.
- Hacker 2009 – *Hacker P.M.S.* *A philosopher of philosophy* // *The Philosophical Quarterly*. 2009. Vol. 59. № 235. P. 337–348.
- Marconi 2011 – *Marconi D.* *Wittgenstein and Williamson on Conceptual Analysis* // *Analisi* / Ed. by R. Davies. Milano: Mimesis, 2011. P. 91–101.
- Richard 2019 – *Richard M.* *Meanings as Species*. Oxford University Press, 2019. 212 p.
- Williamson 2007 – *Williamson T.* *The Philosophy of Philosophy*. Oxford: Blackwell, 2007. 352 p.
- Williamson 2014 – *Williamson T.* *How did we get here from there? The transformation of analytic philosophy* // *Belgrade Philosophical Annual*. 2014. Vol. 27. P. 7–37.

References

- Baz, A. (2018), *The Crisis of Method in Contemporary Analytic Philosophy*, Oxford University Press.
- Cappelen, H. (2018), *Fixing Language: An Essay on Conceptual Engineering*, Oxford University Press.
- Dummett, M. (1978), *Truth and Other Enigmas*, Harvard Univ. Press, Cambridge (Mass.).
- Gryaznov, A.F. (2006), *Analiticheskaya filosofiya* [Analytic philosophy], Vysshaya shkola, Moscow, Russia.
- Hacker, P.M.S. (1996), *Wittgenstein's Place in Twentieth-Century Analytic Philosophy*, Blackwell, Oxford.
- Hacker, P.M.S. (1998), "Analytic philosophy: what, whence, and whither?", *Story of Analytic Philosophy: Plot and Heroes*, Biletzki A. and Matar, A. (eds.), Routledge, London, UK, pp. 3–34.

- Hacker, P.M.S. (2007), "Analytic Philosophy: Beyond the linguistic turn and back again", Beaney, M. (ed.), *The Analytic Turn: Analysis in Early Analytic Philosophy and Phenomenology*, Routledge, London, UK, pp. 125–141.
- Hacker, P.M.S. (2009), "A philosopher of philosophy", *The Philosophical Quarterly*, vol. 59, no. 235, pp. 337–348.
- Makeeva, L.B. (2011) *Yazyk, ontologiya i realism* [Language, ontology and realism], NIU VShE, Moscow, Russia.
- Marconi, D. (2011), "Wittgenstein and Williamson on Conceptual Analysis" *Analisi*, Davies, R. (ed.), Mimesis, Milano, Italy, pp. 91–101.
- Richard, M. (2019), *Meanings as Species*, Oxford University Press.
- Vasil'ev, V.V. (2009), *Trudnaya problema soznaniya* [Hard issue of consciousness], Progress-Traditsiya, Moscow, Russia.
- Williamson, T. (2007), *The Philosophy of Philosophy*, Blackwell, Oxford.
- Williamson, T. (2014), "How did we get here from there? The transformation of analytic philosophy", *Belgrade Philosophical Annual*, vol. 27, pp. 7–37.
- Williamson, T. and Lamberov, L.D. (2010), "Past, present, hope: interview with Tim Williamson", *Analytica*, no. 4, pp. 137–138.

Информация об авторе

Григорий А. Золотков, Институт философии РАН, Москва, Россия; 109240, Россия, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; zolotkov_grigory@mail.ru

Information about author

Grigori A. Zolotkov, Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 12, Goncharnaya Street, Moscow, Russia, 109240; zolotkov_grigory@mail.ru